

**УВАРОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ - I**

**МУРОМСКИЙ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
МУРОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ**

Ответственные за выпуск

О. А. Лукина, Т. Б. Купряшина

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ ПЕРВЫХ УВАРОВСКИХ ЧТЕНИЙ

РЕЗОЛЮЦИИ ПЕРВЫХ УВАРОВСКИХ ЧТЕНИЙ

**17-18 апреля 1990 года
г. Муром, Владимирская область**

СОДЕРЖАНИЕ

Резолюции Первых Уваровских чтений	4
Храпова Л.Е. (Ростов-на-Дону) Личность П.С.Уваровой, как она представляется по ее трудам и свидетельствам современников	5
Лапшин В.А. (Ленинград) О методике раскопок владимирских курганов	6
Алексеев Л.А. (Москва) Воспитанница Московского Археологического института — первый смоленский археолог — Е.Н. Клетнова (1869 – после 1925)	8
Сухова О.А. (Муром) Коллекция графов Уваровых из Карачарова, как основа собрания Муромского историко-художественного музея	9
Стрижова Н.Б. (Москва) Архив А.С. и П.С. Уваровых в отделе письменных источников Государственного Исторического музея	11
Леренман М.М. (Москва) Документальная коллекция графов Уваровых по Владимирскому краю в собрании отдела письменных источников Государственного Исторического музея	13
Белозерова И.В. (Москва) Деятельность А.С. и П.С. Уваровых во Владимирской губернии (по материалам отдела письменных источников Государственного Исторического музея).....	14
Жервэ Н.Н. (Ленинград) Новгородское общество любителей древности и Пятнадцатый Археологический съезд	16
Сазонов С.В., Сазонова Е.И. (Ростов) Московское Археологическое общество и спасение памятников кремля Ростова Великого	17
Тихонов И.Л. (Ленинград) Проблема преподавания археологии в С.-Петербургском Университете в конце XIX – начале XX вв.	18
Мельник А.Г. (Ростов) К вопросу о времени существования григорьевского затвора в Ростове Великом	20

Курганова Н.М. (Суздаль) Новые находки надгробных плит из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимьевом монастыре Суздаля	21
Новикова Г.Л. (Москва) Скандинавские амулеты из владимирских курганов	23
Чернышев В.Я. (Муром) Проблемы подболотского могильника в свете новых археологических находок.....	24
Аграфонов П.Г. (Ярославль) Из истории археологических исследований Ярославской губернии в конце XIX – начале XX вв.	25

Впервые на базе Муромского историко-художественного музея в год 165-летия со дня рождения Алексея Сергеевича и 150-летия Прасковьи Сергеевны Уваровых проводились чтения в честь этих русских ученых-археологов. В заседаниях участвовали историки, археологи, музейные работники из Москвы, Ленинграда, Владимира, Суздаля, Муром, Ростова Великого, Ярославля, Плеса, член Союза писателей из Ростова-на-Дону. Всего было заслушано 24 доклада, основная масса которых носила историографический характер. Большое внимание было уделено научному наследию Уваровых, их активной общественной деятельности по организации науки (создание и руководство МАО, созыв Археологических съездов) и спасению памятников истории и культуры России. Наряду с этим были рассмотрены персоналки и некоторых других русских археологов конца XIX - начала XX в. п. (Е. Н. Клетновой, А. А. Титова, Я. А. Ушакова). Кроме того, в программу чтений вошли доклады, анализирующие конкретные археологические материалы из раскопок Уваровых и новых археологических раскопок. В муромском музее подготовлена выставка о жизни, ученой и собирательной деятельности четы Уваровых.

В заключение чтений был проведен «круглый стол», в результате чего приняты следующие решения:

1. Учредить Уваровские чтения и проводить их один раз в три года (ориентировочно в апреле) в Муроме, в Историко-художественном музее, в течение трех дней по следующим направлениям: первый день - историография, второй день - археология, третий день - церковные древности. Тезисы докладов могут быть присланы за шесть месяцев до начала очередных чтений.

2. Целью чтений является продолжение традиций, заложенных Уваровыми, Московским Археологическим обществом по спасению и изучению русских древностей, пробуждение интереса ко всему русскому, особенно к сохранению и изучению культуры малых древнерусских городов, а также поднятие уровня краеведения, обмен информации и опытом, накопленным музеями по этим направлениям. Доклады могут быть посвящены: 1-историографии, в т. ч. жизни, деятельности, наследию Уваровых, других русских ученых, краеведов и т. д.; 2 - археологии; 3 - церковным древностям: древнерусская архитектура, иконопись, прикладное искусство, книжность.

3. К чтениям могут быть приурочены выставки, подготовленные совместно со всеми желающими. Они могут быть расположены в Муромском музее, в основном здании (дом Зворыкиных) или в выставочном зале (Смоленская церковь).

4. Создан оргкомитет по организации Уваровских чтений. В него вошли: Ответственный секретарь **Т. Б. Купряшина** - ст. научный сотрудник

Члены:	Муромский музей
	Л. В. Алексеева - д. и. н., ст.н. с. И-та арх. АН СССР, г. Москва
	Д. Ф. Полознев – директор музея-усадьбы Н. А. Некрасова, Карабиха, г. Ярославль
	П. Н. Травкин – зав. ист. отд. музея-заповедника, г. Плес
	И. Л. Тихонов – директор музея ЛГУ, г. Ленинград
	И. В. Белозерова - н. ст. ОПИ ГИМ, г. Москва
	С. В. Сазанов - зав. ист. отд. Ростово- Ярославского музея-заповедника, г. Ростов

5. Принято решение издать тезисы докладов первых Уваровских чтений при участии Муромского отделения ВООПИК и Владимирского областного отделения Советского фонда культуры. Во временный издательский комитет включить: Лукину О. А., Купряшину Т. Б., Трошину Р. А., Порцевскую И. Г.

6. Участники чтений посетили бывшее имение графов Уваровых в Карачарове (ныне в черте города) и выразили свою озабоченность судьбой этого имения, имеющего огромную мемориальную, историческую и архитектурную (как усадебный комплекс) ценность. Общим мнением было принято: считать недопустимым использование памятника такого значения для размещения воинской части, ходатайствовать в ВООПИК и Советский фонд культуры о переведении его из раз-

ряда памятников, стоящих на местной охране в разряд памятников республиканского значения, а также о реставрации и реконструкции усадебного комплекса.

7. В 1993 году провести чтения 7-9 апреля и сделать акцент на проблемы изучения культурного наследия и сохранения облика малых древнерусских городов. Желательны доклады, посвященные утраченным и вывезенным памятникам культуры, происходящим из русской провинции, и конкретно из Мурома. Планировать не более тридцати докладов. Все заинтересованные приглашаются участвовать в фотодокументальной выставке на эту тему.

8. В 1996 году чтения приурочить к 900-летию Муромского Спасского монастыря, одного из первых монастырей Северо-Восточной Руси, и посвятить их русской монастырской культуре.

Л. Е. ХРАПОВА,
член Союза писателей г. Ростова-на-Дону

ЛИЧНОСТЬ П. С. УВАРОВОЙ, КАК ОНА ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ПО ЕЕ ТРУДАМ И СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СОВРЕМЕННОКОВ

Есть соблазн начать рассказ о П. С. Уваровой с того, как влюблен был молодой, только что вернувшийся с войны из Севастополя граф Лев Николаевич Толстой в юную княжну Пашеньку Щербатову, как позже, когда давно уже другой граф - А. С. Уваров увел княжну в другую жизнь, тог же Лев Николаевич обессмертил ее своим гениальным пером в облике Кити Щербацкой, о том, какой большой, одухотворенной была любовь, доставшаяся в замужестве этой женщине, о счастливом ее материнстве (четыре сына, две дочери - все взращенные в трудолюбии, в почтении к научным занятиям родителей, близкие им по духу, по нравственным устоям) ну, и так далее по тем вехам и контурам, которые намечены для исследователя историческими документами...

Не меньший соблазн увидеть графиню верхом в седле на небезопасных горных тропах Кавказа, проследить, как растут ее познания, развиваются общественные интересы, становящиеся главным делом жизни, подсмотреть ее в библиотеках и музеях Европейских столиц, в университетских залах, на ученых собраниях под ее председательством, за письменным столом, наконец, где в неустанной работе ума и души рождались ее научные труды, словом, ту жизнь, которая обеспечена ей не случаем рождения, не древней родословной и богатством, а больше силой собственного характера, ума и воли?

Гармоничность и многогранность этой жизни, этой женской судьбы удивительны.

Непосредственный вклад в археологическую науку у П. С. Уваровой не так уж и велик по объему, но зато, он настолько добросовестен, что на него безбоязненно (и признательно!) опирались большинство последующих археологов-кавказоведов. Касается это прежде всего ее главного труда - «Могильники Северного Кавказа», сделанного на материале знаменитой Кобанской бронзовой культуры.

Она смогла обосновать мысль о том, что Кобанская культура, если и не намного старше, то во всяком случае не моложе созданной германскими племенами Гальштадтской культуры, т. е., что она местного происхождения, а не привозная, не вторичная.

Позже, с накоплением кобанского инвентаря, с изучением аналогов в музеях Европы и Ближнего Востока, Прасковья Сергеевна подтвердила высказанную еще ее мужем А. С. Уваровым мысль о преемственности осетин-алан-кобанцев, т. е. об автохтонном происхождении одного из ныне здравствующих кавказских народов.

Во всей полноте оценить эти научные выводы можно, если помнить, что над умами археологов и историков того времени довели такие признанные авторитеты по бронзовым культурам, как маститый немецкий ученый Р. Вирхов и француз, одержимый «первородством» Гальштадта Э. Шантр. Авторитеты эти в своих исследованиях уже тогда закладывали основы будущей позорной расистской теории

С признательностью и гордостью за искони присущие русской передовой интеллигенции альтруизм и интернационализм, за широту их мысли и глубину познаний думаешь нынче, как все

эти качества позволили сиятельной Прасковье Сергеевне избежать давления авторитетов не сбиться в своих поисках истины на путь неправедный.

Убежденностью в единстве человеческих корней, в общности человеческих ценностей, преданностью идеалам гуманизма, добра и мира пронизана вся научная деятельность П. С. Уваровой. На этом же целиком «замешаны» и ее трехтомные «Путевые заметки. Кавказ».

Заметки эти - главный документ, по которому складываются у нас сейчас представления о том, насколько прогрессивны были отношения Уваровых к вопросам национальным, религиозным, природоохранным, к охране памятников культуры, насколько актуальны, созвучны они нашим дням.

Восьмидесятые-девяностые годы XIX века, к которым относятся экспедиции П. С. Уваровой на Кавказ, - годы, решающие в истории развития русско-кавказских отношений. Кавказ был по сути только что замирен. Но в этой-то обстановке, обстановке едва притушенного вулкана на Северном Кавказе оказалось множество русской прогрессивной интеллигенции. Академик Шагрэн, лингвист и историк, профессор, позже тоже академик В. Ф. Миллер, правовед-социолог М. М. Козалевский, педагог Я. М. Неверов, историки Ф. И. Леонтович, Д. Лавров, многие археологи, в том числе и они, Уваровы, еще десятки других ученых и общественных деятелей, поспешивших с гуманными своими миссиями; помочь народам и племенам создать свою письменность, разговорные словари, школы, собрать фольклор, написать историю происхождения, помочь становлению нарождающейся местной интеллигенции, а через нее пробудить самосознание горцев, помочь им обрести свое место в новом Отечестве, коим для них должна была стать не Россия царей, но Россия народа.

Самую выразительную и самую обширную главу в жизнеописании П. С. Уваровой составляет, конечно же, ее деятельность как организатора науки. Она в течение 35 лет руководя Московским археологическим обществом, своим талантом, энергией, преданностью общественным интересам, «магической силой своей личности», по выражению, взятому из приветственного адреса ее коллег, смогла сплотить в нем и вокруг таких известных ученых-гуманитариев, как Д. Н. Анучин, В. Ф. Миллер, Б. В. Фармаковский, Б. А. Тураев, Ю. В. Готье, И. П. Машков, И. Е. Забелин и многие другие.

Во многом творческая деятельность археологов, историков, фольклористов, примыкавших к Обществу, работавших в его Славянской, Восточной и др. комиссиях, стимулировалась Золотыми медалями и денежными наградами имени Сергея Семеновича Уварова, учрежденными еще графом А. С. Уваровым в память его отца и упроченными Прасковьей Сергеевной внесением в Академию постоянного Уваровского капитала. Но поистине непревзойденными по силе стимулирования общественных наук в России стали археологические съезды, начатые при Алексее Сергеевиче (V-й Тифлисский был последний при его жизни) и продолженные при Прасковье Сергеевне регулярно через три года каждый - в Ярославле, Вильне, Риге, Харькове и т. д.) всего девять.

....Умерла Прасковья Сергеевна летом 1924 года, 84-х лет от роду, вдали от Родины - в Добрне (Югославия), до последних дней работая над историей Московского археологического общества. Лишь эмигрантская Российская Академия в своих Известиях оповестила ученый мир о кончине одного из своих почетных академиков и поместила некролог...

В. А. ЛАПШИН,
кандидат исторических наук,
ст. н. с. института археологии
АН СССР, г. Ленинград

О МЕТОДИКЕ РАСКОПОК ВЛАДИМИРСКИХ КУРГАНОВ

Раскопки более 7700 Владимирских курганов, произведенные в 1851-1854 гг. А. С. Уваровым и П. С. Савельевым, явились первыми массовыми исследованиями древнерусских памятников. Своими организацией и размахом они послужили образцом для масштабных раскопок курганов

второй половины XIX в. Поэтому выяснение методики раскопок Владимирских курганов представляет интерес для истории русской археологии в целом.

Дореволюционные археологи и историки, в особенности связанные с Московским археологическим обществом, оценивали методику раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева как образцовую.¹ Но уже в 1905 г. А. А. Спицын дал прямо противоположную оценку результатам этих раскопок. Он пришел к выводу, что при раскопках не велась необходимая полевая документация, опись вещей была составлена А. С. Уваровым по памяти и отчетам, поэтому его выводы недостоверны.² С конца 20-х годов, когда наследие русской дореволюционной археологии было подвергнуто критическому пересмотру, деятельность А. С. Уварова, в том числе и качество раскопок Владимирских курганов, оценивались только отрицательно. Мнение А. А. Спицына стало господствующим на многие десятилетия,³ Только в 1961 г. А. А. Формозов, пересмотревший многие историографические штампы, реабилитировал А. С. Уварова как крупнейшего деятеля русской археологии XIX в. В области полевой археологии, традиционно отмечая невысокий методический уровень раскопок А. С. Уварова, А. А. Формозов подчеркнул целенаправленность исследований во Владимирской губернии, постановку конкретных исторических задач, интерес к рядовым предметам древнего быта.⁴

Сейчас, когда полевые Дневники А. С. Уварова 1851-1852 гг.⁵ стали известны и доступны (дневники П. С. Савельева 1853-1854 г. г.⁶ были известны еще А. А. Спицыну⁷), уже использовались в ряде работ⁸, наступило время источниковедческого разбора материалов исследований Владимирских курганов и пересмотра устоявшегося мнения о их безвозвратной гибели.

«Дневник раскопок А. С. Уварова в Суздальском уезде в 1851 г.» сохранился в первоначальном, черновом виде, что позволяет сделать ряд наблюдений. Дневник велся непосредственно в процессе раскопок, на это указывает почерк и характер записей. Суммируя разбросанные в тексте замечания, можно реконструировать методику раскопок: насыпи раскапывались не колодцем или траншеей, а целиком, «на снос», до материка; посередине кургана оставлялся останец («столб») «для замеров сколько копано в глубину», его снимали после обнажения материка; иногда в материке добавочно прокапывались крест-накрест две контрольные («пробные») канавки. То, что насыпи раскапывались на снос, подтвердил визуальный осмотр сохранившихся следов курганов, раскопанных в 1853 г. у с. Городище Переславского уезда. Ровики вокруг насыпей не фиксировались и, видимо, не раскапывались. В 1854 г. П. С. Савельев, впервые раскопав крупную курганную насыпь двумя широкими перпендикулярными траншеями, описал в дневнике «новый прием».

Дневники 1852 и 1853 гг. сохранились только в чистовых копиях. «Дневник раскопок в Ростовском уезде в 1854 г.» сохранился в первоначальном, полевом, и в переписанном, чистовом, вариантах. Полевой (черновой) экземпляр особенно интересен с точки зрения выяснения приемов работы автора. Дневник написан очень неразборчивым, «летающим» почерком. Между размашистыми строками, написанными, вероятно, днем непосредственно во время раскопок, позднее П. С. Савельев бисерным почерком вписывал дополнения, которые обычно состояли в более подробной характеристике находок, а иногда включали суммарное описание погребального обряда в описываемой курганной группе. При правке дневника находки, по-видимому, вторично осматривались,

¹ Ардашев Н. Н. Граф А. С. Уваров как теоретик археологии. М., 1911.; ТР. I. АС. Т. I. М. 1871. С. ХС.

² Спицын А. А. Владимирские курганы ИАК. 1905. № 15. С. 89.

³ Лапшин В. А. Оценка деятельности А. С. Уварова в русской и советской археологической литературе (динамика критики). Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 75-79.

⁴ Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 69.

⁵ ГИМ, ОПИ, ф. 17, № 209-211.

⁶ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 8, 1853, № 2; 1854, №№ 4, 5.

⁷ Спицын А. А. Ук. соч. С. 87.

⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Л., 1961, Т. 1. С. 10; Рябинин Е. А. 1) Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.) СА. 1979. № 1. С. 228-243, 2) Славяно-мерянские курганные могильники Владимирской земли (по материалам раскопок 1853-1854 гг.). Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этно-культурные процессы на Севере-Востоке Руси). М., 1988. С. 33-56; Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери (постановка вопроса). СА. 1980. № 2. С. 67-79; Лапшин В. А. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X-XIII вв. (по археологическим материалам). Дис. канд. ист. наук. Л., 1985.

для чего необходима была их упаковка по комплексам. Действительно, на некоторых находках 1853-1854 гг. (ГИМ) сохранились полевые этикетки, номера на которых совпадают с номерами по описям, приложенным к дневникам П. С. Савельева,

Дневники 1851-1854 гг. содержат покурганное описание 7622 комплексов (заключительная часть дневника 1852 г. не найдена). В описании отражены размеры насыпей, обряд погребения, при описании ингумаций фиксировалось положение сопровождающего инвентаря относительно тела погребенного. Таким образом методика раскопок и качество фиксации А. С. Уварова и П. С. Савельева не уступали лучшим образцам второй половины XIX - начала XX в. Депаспортизация значительной части коллекции явилась следствием последующего музейного хранения, что связано с отсутствием в то время сложившегося понимания исторической ценности целостного археологического комплекса.

В то же время не следует забывать, что дневники являются не просто археологическими источниками, но одновременно и письменными источниками середины XIX в. и требуют предварительного источниковедческого, в том числе и лексического исследования. Так термин «могила» употребляется в двух значениях: как просто «место погребения» (в насыпи, на материке) и как «погребение в подкурганной яме». «Вышина» в дневниках П. С. Савельева соответствует «глубине» в дневниках А. С. Уварова, а не высоте курганной насыпи в современном понимании и т. д.

Л. А. АЛЕКСЕЕВ,
Доктор исторических наук,
ст. н. с. Института археологии
АН СССР, г. Москва.

**ВОСПИТАНИЦА МОСКОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА - ПЕРВЫЙ
СМОЛЕНСКИЙ АРХЕОЛОГ - Е. Н. КЛЕТНОВА
(1869 - после 1925)**

1. Первые научные археологические исследования в Смоленской губернии были начаты по идее гр. А. С. Уварова его товарищем по университету лепельским помещиком М. Ф. Кусцинским в 1874 г. Работы были начаты с ближайших окрестностей Смоленска - «гнезда» кривичей и далее расширялись «по рекам и окраинам губернии». Сам А. С. Уваров совместно с С. П. Писаревым провел небольшие раскопки смоленского храма на Смядыни (1883). Следом начались широкие раскопки в губернии (главным образом курганов) - В. М. Чебышева (1879), В. И. Сизов (80-90-е гг. главным образом Гнездово), также К. А. Горбачев, А. А. Спицын, С. И. Сергеев и др. Если первые работы лишь способствовали развитию интереса к местным древностям, то вторым мощным толчком в развитии такого интереса была многолетняя подготовка к IX Археологическому съезду в Вильно (1893), которую проводила гр. П. С. Уварова. На съезде от Смоленщины присутствовали С. П. Писарев, Г. К. Бугославский, Е. И. Кашпровский. После съезда в Смоленщине начала оживляться краеведческая работа. С. П. Писарев организует Смоленское археологическое общество, возникает Церковно-археологический комитет и т. д. В 1908 г. Московское археологическое общество срочно налаживает исследование Смядынского монастыря - там собираются устроить женский монастырь. Раскопки Д. В. Милеева дали толчок местным работам И. Ф. Барщевского и Е. Н. Клетновой - первой жительницы Смоленщины, посвятившей всю жизнь археологии.

2. Архив Е. Н. Клетновой, полностью сохранившийся в Смоленском областном архиве, позволяет проследить биографию исследовательницы довольно полно. Она происходила из мелкопоместных дворян Вяземского уезда Смоленской губернии. Много и серьезно училась. Владела музыкальным искусством и выполняла переводы опер для нотоиздателя П. Ф. Юргенсона. Работы с И. Ф. Барщевским на Малом храме на Смядыни обратили ее к археологии. Она закончила археологический институт у профессора В. А. Городцова, начала собственные раскопки курганов в Вяземском и Смоленском (Гнездово) уезда. Вначале археологические знания ее были невелики и она приписывала раскапываемые курганы вслед за А. С. Уваровым - мерянам. Большое влияние на ар-

хеологические работы Е. Н. Клетновой имела ее переписка с А. А. Спицыным, который критиковал ее раскопки очень подчас резко. Ответные письма исследовательницы свидетельствуют, что к петербургскому ученому она относилась с полным доверием и стремилась улучшить методику работ. Иной характер носила ее переписка с ее учителем В. А. Городцовым. Письма А. А. Спицына, при всей суровости их содержания, могут служить образцом научной переписки такого рода.

3. Революционные годы для Е. Н. Клетновой прошли тяжело: над ней висело обвинение в эксплуататорстве помещицей крестьян. Во избежание эксцессов со стороны местных воинствующих элементов, ей пришлось переехать в Смоленск и с огромным трудом вывезти туда свой историко-этнографический музей.

В Смоленске 7 ноября 1918 г. был открыт университет, где Е. Н. Клетнова заняла кафедру профессора. Началась ее энергичная деятельность по изучению смоленского края и его археологии. Велика роль Е. Н. Клетновой в создании краеведческого журнала «Смоленская Новь», в котором она принимала горячее участие и как автор работ по археологии, этнографии, фольклору и пр. Ее стараниями в Смоленске было издано постановление об охране памятников.

Однако, как бы там ни было, исследовательница не смогла приспособиться к новым послереволюционным условиям. Ее археологические знания, оказалось, далеко не на уровне нового времени. Ее ассистент и отчасти ученик А. Н. Лявданский далеко ее опередил. РАИМК начал всячески тормозить выдачу Е. Н. Клетновой открытого листа, причем, судя по архивным данным, делалось это далеко не в деликатной форме. Передав свой богатейший архив, свои коллекции Смоленскому государственному университету, Е. Н. Клетнова эмигрировала.

4. Переходя к оценке деятельности Е. Н. Клетновой, нельзя не отметить ее исключительный энтузиазм в изучении истории края. Она была первым сравнительно, крупным археологом Смоленской губернии. Ее работы по изучению Малого храма на Смядыни до сих пор являются единственным источником изучения этого выдающегося памятника. Все наши знания по археологии курганов течения р. Вязьмы исключительно базируются до сих пор на многочисленных работах Е. Н. Клетновой. Велика роль исследовательницы в изучении истории края, его этнографии и фольклора в первые годы Советской власти. Имя ее не должно быть забыто в истории науки.

О. А. СУХОВА,
ст. н. с. Муромского
историко-художественного музея.

КОЛЛЕКЦИЯ ГРАФОВ УВАРОВЫХ ИЗ КАРАЧАРОВА, КАК ОСНОВА СОБРАНИЯ МУРОМСКОГО ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Когда-то огромная и ценная коллекция графов Уваровых располагалась в нескольких имениях и московском доме в Леонтьевском переулке. В Карачарове же под Муромом находилась лишь небольшая часть этого известного собрания. В Муромском имении в 1850-е годы молодой граф Уваров А. С. обрабатывал свои археологические материалы. В 1900-1910 гг. здесь подолгу жила со своими дочерьми графиня П. С. Уварова. Она-то и перевезла в Карачарово рабочую часть библиотеки.

Коллекция из этого имения в основном поступила в Муромский музей, организованный в 1918 году и открытый для посетителей 1 января 1919 года. Позже незначительная часть вещей и книг была передана в г. Владимир и г. Нижний Новгород. К сожалению, не было принято решение о создании единого усадебного музейного комплекса, чтобы сохранить Карачарово со всеми коллекциями. Вначале там располагалась коммуна «Альтруист», затем дом отдыха «Карачарово»; перед Великой Отечественной войной имение заняла воинская часть и остается тем до сих пор.

В архиве Муромского историко-художественного музея сохранились любопытные документы, по которым можно восстановить историю передачи коллекций из Карачарова в музей в 1918-1919 гг. Это «Акт на передачу Музейной комиссии г. Мурома предметов, находящихся в доме графини Уваровой в Карачарове» от 6 декабря 1918 г. (Архив Муромского историко-

художественного музея. НА-80, л. 1). Вещи по акту сдавал член Земельного отдела при Муромском Уездном исполнительном комитете Совета рабочих и крестьянских депутатов - Константин Павлович Дегтярев; принимал - директор музея Владимир Иванович Жадин в присутствии эmissара Коллегии по делам музеев при Комиссариате Народного Просвещения Пашуканиса В. В. К акту приложена отпечатанная на пишущей машинке опись (Архив МИХМа, НА80, л. 2-5 об.), из которой следует, что отбор вещей велся по комнатам, счет шел ящиками и свертками, названия и авторы художественных произведений не указывались. Поэтому сейчас достаточно трудно сопоставить перечисленные в описи ценности с тем, что в настоящее время хранится в музее из Уваровских коллекций.

Среди этих же документов хранится и рукописный «Акт о передаче Муромскому музею предметов, находящихся в правом боковом флигеле дома гр. Уваровой», от 3 декабря 1918 г. с приложением к нему описи (Архив МИХМа, НА, л. 6-9 об.) Принимал ценности директор музея В. И. Жадин от Кукина. По этому акту были переданы 10 акварелей с видами итальянских городов, картины, фарфор, бронза, лепные настенные подсвечники. Всего, по приведенным актам, было принято по грубым подсчетам 2082 предмета. Из них 112 - живописных и графических произведений итальянской, фламандской, голландской школ, фамильные портреты рода графов Уваровых, работы русских художников; мебельные гарнитуры, бронза, фарфор, часть библиотеки.

Только после того как музей получил эти коллекции, ему было предоставлено и новое помещение (ул. Никольская, ныне Первомайская, 4), где он находится и по сей день. Собрание гр. Уваровых стало основой Муромского художественно-исторического музея, которым руководил академик живописи И. С. Куликов (см. Отчет художественно-исторического музея за 1919 г. Архив МИХМа. НА 157 л. 21). Этот музей существовал под одной крышей с естественно-историческим.

Но не все еще из имения было вывезено. Так обнаружен очень интересный документ: «Выписка из протокола № 255 коллегиального заседания Муромского Уездного Земельного отдела Совета рабочих и крестьянских депутатов а от 16 сентября 1919 г. (Архив МИХМа, НА 157). Заседание проходило под председательством заведующего Уезмотделом А. А. Коробкова. Было заслушано отношение Отдела Народного Образования с просьбой о выдаче предметов из Карачарова муромскому музею, присвоенных коммуной «Альтруист», расположившейся в имении. Музей просил оставшиеся здесь картины, мебель, иконы, ковры, часы, дрезденский фарфор и столовый сервиз с надписью «Карачарово». Коммуна «Альтруист» дала следующий ответ: «...в отпуске каковых вещей отказать, впредь до указания Подотделом, что таковые вещи принадлежат к предметам старины и искусства и составляют ценный материал для музея, так как по мнению Уезмотдела эти вещи к предметам старины и искусства отнести нет основания. Что же касается столового сервиза с надписью «Карачарово», то из такового выдать для музея только по одному экземпляру из каждой вещи, принадлежащих к этому сервизу». Именно в таком урезанном виде и хранится этот сервиз, а точнее, лишь часть его, в Муромском музее.

Книги из библиотеки гр. Уваровых в основном поступили в музей лишь в декабре 1919 г. Такова краткая история поступления коллекции гр. Уваровых - из Карачарова в Муромский музей. Надо полагать, что не все попало в музей. Судя по документам, часть вещей так и осталась за коммуной «Альтруист». Когда же она распалась, ценности, видимо, были разобраны крестьянами села Карачарово.

Та же часть собрания, что оказалась в музее, до сих пор является самой значительной и ценной частью Муромского художественного собрания и редкого книжного фонда. В коллекции живописи - это «Распятие» итальянской школы XIV в., и «Святой Иероним» Доссо-Досси первой трети XVI в., и «Монах» Хусепы Рибейры, и «Мадонна» Джованни Баттиста Тьеполо XVIII, произведения русских художников: В. Д. Поленова, А. Е. Архипова, А. К. Саврасова; в собрании графики и акварели - замечательные работы итальянских художников XIX в., эскиз К. П. Брюллова к полотну «Последний день Помпеи», рисунки пером И. И. Шишкина, множество гравюр и рисунков западных и русских мастеров. Своеобразны коллекции мебели, фарфора, бронзы, стекла и хрусталя из Карачаровского имения. В основном, это предметы конца XVIII - начала XIX вв. К сожалению, в муромский музей практически ничего не попало из археологических коллекций гр. Уварова А. С. Единственно, что досталось музею, так это небольшая коллекция античных предметов из Смирны.

Библиотека же муромского музея, благодаря Уваровскому фонду, ныне является одной из лучших библиотек Владимирской области.

История передачи коллекций из Карачарова требует дальнейших исследований.

Н. Б. СТРИЖОВА,
н. с. ОПИ ГИМ. г. Москва.

АРХИВ А. С. И П. С. УВАРОВЫХ В ОТДЕЛЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

1. Документальные материалы А. С. и П. С. Уваровых являются составной частью семейного архива Уваровых, переданного на временное хранение, вместе с коллекциями икон, нумизматики, древних рукописей, в Российский Исторический музей П. С. Уваровой накануне ее отъезда в эмиграцию. Архив Уваровых и коллекция документальных материалов XV-XIX в. в. поступили в Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ, ф. 17). Систематизацию материалов и составление описи фонда Уваровых сотрудники ОПИ ГИМ закончили к 1977 году, в результате систематизации сформировано более 1600 ед. хр. Хронологические рамки фонда - XV в. - 1917 год. Материалы А. С. и П. С. Уваровых составляют примерно четвертую часть объема фонда. В настоящем обзоре сохраняется схема классификации материалов, предложенная составителями описи.

2. Материалы А. С. Уварова в ОПИ ГИМ. Среди личных материалов графа Уварова формулярный список, составленный в 1871 году, почетные дипломы Российской Академии наук (1856, 1857), дипломы российских университетов и научных обществ, дипломы о присуждении А. С. Уварову золотых медалей Русского Археологического общества за работу «Меряне и их быт по курганным раскопкам» (1874) и «Археология России. Каменный период» (1883). В этой группе находятся и дневники путешествий А. С. Уварова по Италии, Германии, Польше, Чехии, Испании, Швейцарии, в Равенну, совершенных им в 40-х-70-х годах. В дневниках, в основном, записи по археологическим и архитектурным памятникам, необходимые для будущих исследований. К группе личных относятся материалы, связанные с учебой А. С. Уварова в гимназии и Петербургском университете. Это гимназические тетради по словесности, священной истории; конспекты университетских лекций по русской истории Н. Устрялова, по римским древностям Шлиттера, по государственному и уголовному праву Ивановского.

3. Материалы служебной деятельности графа Уварова немногочисленны, дают некоторое представление о службе А. С. Уварова в Московском учебном округе (1857-1858), в должности товарища попечителя округа и в одной из комиссий по строительству Храма Христа Спасителя в Москве.

4. В раздел «Научная деятельность А. С. Уварова» включены материалы, подробно освещающие подготовку и проведение археологических работ в Таврической губернии летом 1853 года, здесь же находится «Отчет об археологических разысканиях в 1853 году» министра уделов Л. А. Перовского. В раздел включены рукописи монографий и статей А. С. Уварова по археологии, русской истории, византиноведению, нумизматике, церковной археологии и, что ценно для историографов, черновые варианты работ и подготовительные материалы к ним. Особый же интерес представляет неопубликованная рукопись второй части «Христианской символики» - главной работы ученого.

5. В архиве широко представлены материалы земской деятельности А. С. Уварова, а 1859 году переехавшего в имение Поречье Можайского уезда, Московской губернии, где его вскоре избрали предводителем уездного дворянства и губернским гласным, тогда же граф Уваров вошел в Комиссию по народному образованию. Материалы архива свидетельствуют об активной деятельности по организации школ, учреждению земского банка, строительству железной дороги.

6. Интересны материалы, отражающие участие А. С. Уварова в создании Российского Исторического музея. Материалы представляют два этапа (с нач. 70-х до сер. 70-х гг. и нач. 80-х гг.) его деятельности в РИМе. Здесь находятся: проект программы музея, составленной А. С. Уваровым,

письма А. А. Зеленому, заметки Уварова по поводу проекта здания музея В. Шервуда, проект устава РИМ (1881), описи предметов, присланных в РИМ, письма гр. Уварову по вопросам, связанным со строительством музея, оформлением его залов, от И. Айвазовского, А. В. Прахова, Г. Семирадского, Д. Толстого, В. Шервуда и др.

7. Многочисленные письма, адресованные А. С. Уварову, составляют один из разделов архива. Здесь письма жены, детей, родственников, известных писателей, ученых, издателей. Среди корреспондентов графа Уварова И. и К. Аксаковы, Д. Н. Анучин, П. И. Бартенев, О. М. Бодянский, С. А. Геденов, К. К. Герц, Н. В. Калачов, Н. П. Кондаков, В. Ф. Миллер, М. П. Погодин, В. И. Сизов, Н. В. Султанов, В. Г. Тизенгаузен и др.

8. Среди материалов А. С. Уварова находятся и каталоги бесценной библиотеки Уваровых.

9. Материалы П. С. Уваровой в ОПИ ГИМ. В раздел «Личные материалы» включены многочисленные дипломы П. С. Уваровой, свидетельствующие об избрании ее почетным членом Российской Академии наук, российских университетов, Лазаревского и археологических институтов, научных обществ, губернских ученых архивных комиссий.

10. Биографические материалы представлены дневниками путешествий П. С. Уваровой по Польше и Чехии, по Армении, Грузии, Северному Кавказу, Испании, Германии, Малой Азии, Италии и др. Помимо обычных для путешественника заметок, в дневниках присутствуют подробные описания местных обычаев, заметки о памятниках культуры. Знакомясь с археологическими залами музеев, П. С. Уварова, в некоторых случаях, делала подробную фиксацию экспонатов. Дневники путешествий в Вильно, Ригу и Киев, включенные в этот раздел отражают подготовительную работу, которая предшествовала проведению IX, X, XI археологических съездов и содержат записи, сделанные П. С. Уваровой в ходе съездов.

11. Следующий раздел архива - научные работы П. С. Уваровой. Здесь подготовительные материалы к работам по археологии Кавказа, работы по Церковной археологии, черновые варианты опубликованных работ по Галиции. В этот раздел включили некоторые материалы, связанные с деятельностью Московского археологического общества: заметки П. С. Уваровой о работе XII, XIII и XIV археологических съездов, черновик ее записки «О деятельности Московского археологического общества с момента его основания».

12. Ряд материалов, находящихся в архиве, связан с благотворительной деятельностью графини Уваровой в Поречье, Можайском уезде, в Елизаветинском благотворительном комитете.

13. Письма, адресованные П. С. Уваровой, отложившиеся в фонде, многочисленны. Ей писали муж, дети, родственники, среди корреспондентов - археологи, этнографы, историки: Д. Айналов, В. Бузескул, Ф. Буслаев, В. Городцов, В. Миллер, Л. Нидерле, В. Стасов, В. Трутовский, Б. Тураев, Ф. Успенский, Б. Фармаковский.

14. Часть материалов Московского археологического общества, находящихся в фонде, выделены в самостоятельную группу. Устав общества, списки членов общества, протоколы заседаний, юбилейные материалы, ходатайство А. С. Уварова о денежной помощи обществу перед министром двора, копии писем в Археологическую комиссию. Отложились материалы археологических съездов с 1 по XVII и материалы предварительных комитетов, переплетенные в тома по принадлежности каждому съезду. Интересны материалы не состоявшихся XVI и XVII археологических съездов которые предполагалось провести, соответственно, в 1914 году в Пскове и в 1917 году в Белоруссии. В настоящий раздел включены также материалы Комиссии Московского археологического общества.

М. М. ЛЕРЕНМАН,
ст. н. с. ОПИ ГИМ, г. Москва.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ГРАФОВ УВАРОВЫХ ПО ВЛАДИМИРСКОМУ КРАЮ В СОБРАНИИ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Документальная коллекция гр. Уваровых (ф. 17) по Владимирскому краю содержит более 1,5 тысячи документов, главным образом XVII-XVIII в. Больше половины документов относится к Суздалию. Это материалы суздальского архиерейского дома и соборной церкви Рождества Богородицы (1617-1755 гг.), Покровского девичья монастыря (1542-1753 гг.), Спасо-Евфимиева монастыря (1482-1772 гг.). Имеются документы Александровского девичья, Васильевского, Спасо-Кукоцкого и Николаевского Шартомского монастырей (1605-1756 гг.).

Коллекция гр. Уваровых была описана И. М. Катаевым и А. К. Кабановым в издании: Описание актов собрания гр. А. С. Уварова. Под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского, М., 1906 г. Документы до Смутного времени опубликованы в 1 отделе полностью, остальные описаны достаточно подробно, чтобы можно было судить об их содержании.

В сообщении основное внимание уделяется обзору содержащихся в архиве г. Уваровых документов по Карачаровской вотчине Муромского уезда. Большая часть этих документов входит в основную часть архива, и только некоторые документы - в коллекцию (это распоряжения Я. К. и М. Я. Черкасских приказчикам и списки с отпускных грамот). Имеющиеся в архиве материалы дают возможность проследить историю Карачаровской вотчины.

Самым ранним документом на владение вотчиной является жалованная грамота царя Алексея Михайловича боярину князю Якову Куденетовичу Черкасскому, датированная 12 октября 7155/1646 г. (ф.17, оп. 1, ед. хр. 910). Из грамоты следует, что Я. К. Черкасскому были пожалованы отписные села в Муромском уезде, Унженском стане: с. Панфилове на речке Илемне, д. Окулово на речке Велетьме, пустошь, что была деревня Отепцово, д. Загряская, Мирязева, Левашова тож д. Змейцы, Липня, Новая, с. Карачарово на реке Оке.

Однако первыми известными владельцами вотчины были князья Сулешевы. В третьем томе Актов, собранных Археографической экспедицией (Спб., 1836) под № 332, опубликована Отчинная грамота царя Михаила Федоровича боярину князю Юрию и брату его Маметше мурзе Сулешевым на села и деревни из их же поместий в Муромском и Нижегородском уездах: с. Карачарово, с. Панфилове, д. Окулово и Отепцово. Датирована грамота 21 августа 7127 (1619) г. В публикации отмечено, что грамота «доставлена г. Министром Народного Просвещения Сергеем Семеновичем Уваровым».

О владении Карачаровской вотчиной Сулешевыми свидетельствуют и выписи из Муромских писцовых книг 136, 137 и 138 гг. письма и меры Якова Колтовского и подьячего Романа Прокофьева, выданные в 1662 г. кн. Я. К. Черкасскому по его челобитью (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 912, л. 17-32). В этих выписях с. Карачарово написано за кн. Васильем Яншеевичем Сулешевым, а с. Панфилово с деревней Окулово и пустошью, «что была деревня Отепцова», - за кн. Юрьем Яншеевичем Сулешевым. В том же 1662 г. кн. Я. К. Черкасскому была дана выпись из Муромских переписных книг переписи Афанасия Отяева и подьячего Казарина Немирова 154 и 155 гг. «для беглых его крестьян» (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 912, л. 33-78). Из этой выписи следует, что д. Загряская, Левашова, «а Мирясево тож», Змеица «поставлены после писцов на пашенных лесах и на рощистях».

К комплексу документов Я. К. Черкасского относятся также его распоряжения приказчикам с. Карачарова Кызылбаю Третьякову и Никите Турчанину, датированные 1654 и 1663-1665 г.г. (ф. 17, оп. 2, ед. хр. 13, л. 1-32).

После смерти Я. К. Черкасского в 1667 г. Карачаровская вотчина по его завещанию перешла к единственному сыну кн. Михаилу Яковлевичу Черкасскому, ближайшему боярину и воеводе Тобольскому. К владельческим документам кн. М. Я. Черкасского относятся выписи из Муромских переписных книг переписи Романа Воиникова да подьячего Ивана Лаврентьева 186 г., датированная 194-1685-86 г. (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 912, л. 79-128) и из «писцовых книг Муромского уезду письма и меры и межевания Ивана Квашнина да подьячего Федора Яковлева 193 и 194 и 195 го-

ду», данная кн. М. Я. Черкасскому из Поместного приказа в 196 (1687-88 г. (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 914, л. 1-40). В фонде имеется и еще одна выпись из этих книг, данная в 1701 г. (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 912, л. 130-238). Из других документов М. Я. Черкасского можно отметить распоряжение приказчикам Алексею Микулину и Степану Теплякову 1698 г. о покупке у нозокрещенов из мордвы пограничного с Карачаровым бортного Велетемского ухажья в Арзамасском уезде с лесами, рыбными ловлями и санными покосами (ф. 17, оп. 2, ед. хр. 13) и указ царя Петра Алексеевича от 18 января 1702 г. муромскому воеводе о разрешении кн. М. Я. Куденетовичу вносить корабельные деньги в Москве, а приказ адмиралтейских дел (там же, л. 128-128а).

После смерти кн. М. Я. Черкасского 28 июня 1712 г. Карачаровская вотчина 24 апреля 1713 г. была справлена за его сыном - действительным тайным советником и кабинет-министром Алексеем Михайловичем Черкасским (см. копию с выписки из муромских переписных книг 186 г. на гербовой бумаге 1737 г. - ф. 17, оп. 1, ед. хр. 913, л. 62 об. - 81). В этой же ед. хр. имеются копии со всех упоминавшихся выписей из писцовых и переписных книг на бумаге 20-30-х годов XVIII в., а также выпись из книги «Генералитетского свидетельства о числе душ мужеска полу» Карачаровской вотчины А. М. Черкасского, датированная 1738 г.

Впоследствии вотчина была отдана в приданое за дочерью кн. А. М. Черкасского Варварой Алексеевной, выданной замуж за Петра Борисовича Шереметева. Из документов этого периода можно отметить опись с. Карачарова и принадлежащих к нему приселков и деревень, датированную 1750 г. (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 938); выпись 1752 г. с переписных именных книг, сделанную приказчиком с. Карачарова Александром Дедешиным (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 941); опись Колпинского железного завода 1764 г. (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 949) и др.

В 1774 г. Карачаровская вотчина перешла к гр. Алексею Кирилловичу Разумовскому как приданое за дочерью Варвары Алексеевны и Петра Борисовича Шереметевых Варварой Петровной. От этого времени сохранились хозяйственные книги, как, впрочем, и по всему периоду существования вотчины и дело о разделе наследства В. П. Разумовской. По отдельному акту Карачаровская вотчина отошла к гр. Екатерине Алексеевне Уваровой, урожденной Разумовской, жене гр. Сергея Семеновича Уварова (см. ф. 17, оп. 1, ед. хр. 850, л. 141).

После смерти Е. А. Уваровой, по отдельному акту 1849 г. между Сергеем Семеновичем и Алексеем Сергеевичем Уваровым, владельцем Карачарова становится гр. А. С. Уваров. В фонде имеется вводный лист, датированный 31 марта 1850 г., в копии 1873 г. (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 860, л. 1-2).

Последними владельческими документами на Карачаровское имение являются вводные акты о вводе «вдовы гр. Прасковьи Сергеевны Уваровой, дочерей ее гр. Прасковьи и Екатерины Алексеевны и сыновей гр. Алексея, Сергея, Федора и Игоря Алексеевичей Уваровых» во владение имуществом умершего гр. Алексея Сергеевича Уварова, датированные 1886 г., в копиях 1886 и 1887 гг. (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 860, л. 5-7).

И. В. БЕЛОЗЕРОВА

н. с. ОПИ ГИМ, г. Москва

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. С. и П. С. УВАРОВЫХ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

1. Настоящее сообщение ставит целью дать обзор и анализ документальных материалов о жизни и деятельности графов Уваровых на территории Владимиро-Суздальской земли, где находились их имения, с которой связаны научные и исследовательские интересы, земская деятельность. Наиболее полные сведения находятся в нескольких документальных фондах ОПИ ГИМ. Прежде всего в личных архивах: самих Уваровых (ф. 17), известного археолога В. А. Городцова (ф. 431), владимирского краеведа Н. С. Стромиллова (ф. 195).

2. Значительная часть документов связана с археологическими исследованиями, которые Уваровы вели во Владимирской губернии. Это обширные разведки и раскопки А. С. Уварова в 1851-54 гг. по территории всей губернии и в 1877-78 г. г. в Карачаровском овраге (Муромский уезд), а также раскопки П. С. Уваровой Волосовской стоянки (недалеко от с. Карачарова) и других археологов (В. А. Городцова, В. Б. Антоновича, П. С. Савельева и др. непосредственно связанных с Уваровыми). В результате этих исследований в личном архиве Уваровых отложились дневники раскопок, описи древностей, рапорты о ходе работ, карты, планы, схемы; доклады, многие из которых читались на заседаниях Моск. Археологического общества (МАО). Сведения об этой работе содержатся в обширной переписке Уваровых с археологами, краеведами, любителями древностей и т. д.

3. На протяжении многих десятков лет Уваровы занимались изучением и организацией охраны памятников культуры. Еще в 1851-52 гг. А. С. Уваров участвовал в работе Комиссии по исследованию и дальнейшему сохранению усыпальницы рода Пожарских в Суздальском Спасо-Ефимиевом монастыре (сохранились архивные материалы о роде Пожарских, отчеты о вскрытии гробниц, их фотографии и т. д.). В дальнейшем выявление, изучение, спасение памятников было главной задачей МАО, возникшего по инициативе А. С. Уварова. Предложения А. С. Уварова о неотложных мерах по охране памятников отразились в различных проектах, докладах и других записях, составленных им в 1870-1880-е гг. Сохранились также сведения о практической работе А. С. Уварова по сохранению конкретных памятников Владимирской губернии в составе особых комиссий, созданных при МАО. Изучению памятников зодчества Владимиро-Суздальской земли посвящен ряд работ А. С. Уварова. На посту председателя МАО (1885-1917) П. С. Уварова также долгие годы была связана с Владимирской губернией. В архиве сохранились документы, связанные с процессом возникновения в последней четверти XIX в. музеев, древлехранилищ (в том числе при ученых обществах, статистических комитетах и т. д.). Имеются сведения о составе государственных и частных коллекций (гг. Владимир, Муром, Вязниковский, Меленковский уезды). Важная информация о памятниках истории и культуры и личном вкладе П. С. Уваровой в организацию их охраны сохранились в ее переписке с историками, археологами, священнослужителями, земскими деятелями, школьными учителями и другими деятелями Владимирской губернии.

4. Важное место в личном архиве Уваровых занимают материалы о земской деятельности. Это, во-первых, документы, связанные с развитием народного образования в губернии. Уваровы являлись попечителями школ, училищ, входили в училищные советы, оказывали материальную, финансовую помощь, участвовали в подборе учительских кадров, обсуждении учебных программ и т. д. Кроме того, имеются документы (кон. 1860 -нач. 1870-х гг.) об участии А. С. Уварова с обсуждении проектов железнодорожного строительства в губернии (в частности, строительства веток Ковров-Муром и Егорьев-Муром). В нач. XX в. П. С. Уварова неоднократно участвовала в выборах в гласные Муромской городской Думы, вела активную земскую деятельность: выступала за сохранение лесов Мещеры, оказывала помощь в получении кредитов для школ, реставрации церквей; развитию телефонной связи в Муромском уезде и т. д. Сохранились также сведения о владениях Уваровых в Муроме (деревянный дом и лесной склад) в с. Карачарове.

5. Большой интерес представляет комплекс документов, относящихся к деятельности муромского краеведа, члена МАО И. Г. Добрынкина, более четверти века поддерживавшего дружеские отношения с Уваровыми. В архиве Уваровых сохранились его научные работы, посвященные истории и зодчеству Муромского уезда, переписка с П. С. Уваровой (1892-1902) и т. д.

6. В целом материалы ОПИ ГИМ, связанные с деятельностью Уваровых во Владимирской губернии являются важным источником для изучения истории музейного дела, коллекционирования, охраны памятников и могут быть использованы не только историками-профессионалами, искусствоведами, но и всеми интересующимися историей этого края.

Н. Н. ЖЕРВЭ,

зав. отделом Ленинградского университета.

НОВГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНОСТИ И ПЯТНАДЦАТЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

Настоящий интерес к отечественным древностям, стремление к их изучению и охране появляются в России по существу лишь в середине XIX в. Тогда же наблюдается невиданный ранее расцвет ученых обществ, которые возникают как в столице и университетских центрах, так и в провинциальных губернских городах. Именно силами этих местных обществ любителей старины были выявлены и описаны многие древности: курганы, городища, постройки, предметы, предания и т. д. Этот первый этап сбора сведений о памятниках старины был необходимым условием их дальнейшего изучения и исследования. Вопросы создания и деятельности таких научных, краеведческих, историко-культурных организаций привлекают все большее внимание историков, помогая более глубокому изучению процесса развития русской культуры.

Местные историко-археологические общества возникали и работали под непосредственным руководством и при активном участии центральных организаций: Русского Археологического общества, Археологической Комиссии и Московского Археологического общества. С началом проведения МАО регулярных археологических съездов деятельность местных обществ приобретает более систематический, глубокий и активный характер.

Для северо-запада России определяющее значение сыграла деятельность Новгородского общества любителей древности (НОЛД), созданного в 1894 г. по инициативе и при деятельном участии новгородского археолога, антрополога, краеведа, историка В. С. Передольского. Представляется чрезвычайно интересным и важным то обстоятельство, что НОЛД было непосредственно связано как с Петербургскими археологическими центрами, так и с МАО.

На первом этапе общество, в состав которого входило 65 человек, занималось выявлением, изучением и охраной памятников местной старины (Детинец, Ярославово дворище, Белая башня, Софийский собор), проводило ученые беседы и лекции, вело раскопки, но уже к концу 1895 г. НОЛД наткнулось на открытое сопротивление своей деятельности со стороны нового губернатора Б. В. Штюмерера и оставалось более 5 лет «существующим только на бумаге».

Деятельность общества возобновляется только в 1908 г. под руководством Михаила Валериановича Муравьева, причем толчком для этого явилось решение МАО об избрании Новгорода местом проведения XV археологического съезда. Именно поэтому на втором этапе своей деятельности НОЛД поддерживает наиболее тесные связи с МАО. В составе общества – более 200 человек, из которых 19 закончили Археологический институт и имели хорошую археологическую подготовку. В состав Новгородского предварительного комитета съезда вошло 23 члена НОЛД, 32 раза собирался предварительный комитет для решения организационных и научных вопросов. 20

Сбор сведений о церковных древностях, городищах, курганах и сопках новгородской земли производился как с помощью анкет, разосланных настоятелям церквей новгородской губернии, так и путем личного обследования всех новгородских уездов в 1909-1910 годах членами предварительного комитета съезда И. В. Аничковым, М. В. Муравьевым, Л. Н. Целили, А. И. Анисимовым.

Были исследованы курганы и жальники в Тихвинском уезде; в самом Новгороде – в юго-восточной части Детинца – произведены раскопки с участием Н. К. Рериха и обнаружены древние деревянные конструкции мостовых и построек. Удалось спасти от разрушения часть древнего земляного вала и организовать проведение ремонтных работ в Кремле (степь; и башни).

Общество занималось и широкой научно-просветительской деятельностью: в 1909 г. профессорами Археологического института и СПб Университета был прочитан ряд лекций по археологии и истории Новгорода; на заседаниях общества делались сообщения и доклады по различным вопросам социально-экономической, политической и культурной жизни древнего Новгорода; было издано 5 сборников труда в НОЛД, содержащих разнообразные документы, материалы и исследования по истории Новгорода; в 1908-10 гг. вышло полное издание «Новгородики» В. П. Ласковского и М. И. Полянского и «Путеводитель по Новгороду» В. П. Ласковского.

М. В. Муравьев регулярно сообщал П. С. Уваровой о ходе подготовительных работ. Десять членов НОЛД были избраны делегатами съезда и выступили с интересными сообщениями и докладами, были организованы осмотр стен и башен Детинца, ризницы Софийского собора, памятников Торговой стороны и древнейших монастырей Новгорода и окрестностей.

Тесные связи между НОЛД и МАО сохранялись и в 1912-14 гг. т. к. Новгород и Псков были избраны местом проведения XVI археологического съезда, не состоявшегося ввиду начала первой мировой войны.

НОЛД продолжало свою деятельность вплоть до 1930 г. В результате этого: 1) сложилась концепция реставрации и охраны культурного наследия Новгорода; 2) были исследованы и сохранены многие ценные памятники старины; 3) положено начало систематическому археологическому обследованию региона; 4) введен в оборот ряд важнейших источников по социально-экономической, политической и культурной истории Новгорода.

С. В. САЗОНОВ, Е. И. САЗОНОВА,
зав. ист. отделом и ст. н. с.
Ростово-Ярославского архитектурно-художественного музея-заповедника.

МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И СПАСЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ КРЕМЛЯ РОСТОВА ВЕЛИКОГО

Одной из полузабытых страниц нашей истории является возрождение во второй половине XIX в. грандиозного ансамбля Ростовского Кремля - резиденции ростовских митрополитов XVII в. Актуальность темы определяется еще и тем, что история реставрационных работ и открытие музея в Ростовском Кремле является редким и сейчас примером сотрудничества гражданских властей, церкви и общественности в деле восстановления и сохранения памятников истории и культуры. В предлагаемом сообщении делается попытка осветить только один аспект этой темы - совместную деятельность представителей общественности Москвы и Ростова. Успех этой деятельности предопределен, прежде всего, такими яркими личностями, как Алексей Сергеевич Уваров и Андрей Александрович Титов, ростовский купец, исследователь и патриот родного края.

Имя графа А. С. Уварова тесно связано с Ростовом Великим. Начиная с 1851 г. он проводил на территории края многочисленные раскопки, собирал старинные рукописи и грамоты, спасал от разрушения архитектурные памятники Ростова. В конце 1870-х гг. произошло знакомство графа Уварова и А. А. Титова. По воспоминаниям А. А. Титова, именно Алексей Сергеевич Уваров своими «горячими речами» открыл ясно и определенно, какое драгоценное наследие предков гибнет в Ростове, в его историческом Кремле...». Инициатива реставрации Ростовского Кремля принадлежала А. С. Уварову, который в это время был председателем Московского Археологического общества. В октябре 1882 г., по предложению Общества, была создана Комиссия по реставрации древних кремлевских зданий. В Комиссию вошли: Ростовский уездный предводитель дворянства Д. А. Булатов, ростовский голова Хомяков, А. А. Титов, И. А. Шляков, И. А. Вахромеев, председатель - Ярославский губернатор В. Д. Левшин, почетный член архиепископ Ярославский и Ростовский Ионафан, священник Василий Мансветов. Многочисленные документы, хранящиеся в архиве Ростовского музея, свидетельствуют с какой тщательностью изучался каждый памятник Кремля. После подробного изучения и описания, составлялся проект реставрации памятника, который утверждался Московским Археологическим Обществом. Деятельность Комиссии продолжалась с 1883 по 1896 гг. Были отреставрированы следующие здания:

1883 - трапезная архиерейского дома (Белая Палата);

1884 - Княжие Терема; церковь Григория Богослова, Водяная башня;

1885 - придел св. Леонтия в Успенском соборе, который был обнаружен случайно при перекрытии пола собора;

1886-87 - круглая юго-восточная и Садовая башни;
1888 - церковь Иоанна Богослова;
1889-90 - церковь Богоматери Одигитрии и церковь Воскресения;
1893 - церковь Спаса на Сенях;
1896 - Иераршие палаты.

Реставрация проходила на достаточно высоком, даже для настоящего времени, уровне. Члены Комиссии стремились, прежде всего, не повредить памятникам непродуманными действиями. Памятники реставрировались и консервировались в их исторически сложившемся виде. Капитальные работы по укреплению фундамента и стен зданий, проведенные во второй половине XIX в., обеспечили сохранность ансамбля Ростовского Кремля вплоть до настоящего времени.

Деятельность Московского Археологического Общества ограничивалась не только руководством по реставрации памятников Ростовского Кремля, но и наблюдением и изучением памятников, находящихся как и в самом Ростове Великом, так и в Ростовском уезде. Об этом свидетельствует переписка А. А. Титова и А. И. Шлякова с П. С. Уваровой.

В 1883 г. в отреставрированной Белой Палате открылся Ростовский музей церковных древностей. В уставе музея было указано, что он «состоит под наблюдением Императорского Московского Археологического Общества». Как отмечал А. А. Титов, «устройство музея было совершено по его гр. А. С. Уварова мысли и отчасти по его указаниям». Точная характеристика его деятельности заключается в следующих словах А. А. Титова: «Провинция узнала и полюбила науку, благодаря энергии такого талантливого учителя, каким был покойный граф А. С. Уваров».

Вплоть до последнего времени роль Московского Археологического Общества в деле сохранения и реставрации памятников истории и культуры Ростова Великого оставалась в тени. Но знакомство с материалами, даже в первом приближении, показывает, что только участие и руководство виднейших ученых и авторитетнейших общественных деятелей того времени обеспечило всем работам необходимый научный уровень и общенациональное значение.

И. Л. ТИХОНОВ,

директор музея истории

Ленинградского государственного университета

ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ АРХЕОЛОГИИ В С.-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX вв.

К концу XIX в. в Петербургском университете уже был накоплен некоторый опыт преподавания археологии. Хотя специальной кафедры археологии не было, на разных факультетах читались отдельные курсы, широко использующие археологические материалы. На историко-философском факультете с 1847 по 1880 гг. преподавал академик И. И. Срезневский, читавший курсы «Славянские древности VI-XII вв.», «Археология и энциклопедия археологии». В значительной степени использовали данные археологии в своих лекциях историки К. Н. Бестужев-Рюмин, А. С. Лаппо-Данилевский, искусствоведы А. В. Прахов, Н. П. Кондаков, востоковеды Н. И. Веселовский, Н. Я. Марр и др. С 1887 г. на физико-математическом факультете существовала кафедра географии и этнографии, где читался курс доисторической археологии. Однако единого понимания археологии, ее предмета и области знаний в нее входящих, среди университетской профессуры так же, как и среди всех русских археологов, не было. Существовали взгляды, трактующие археологию как историю древнего искусства (Н. П. Кондаков), или как науку о различных Древностях, в т. ч. и письменных памятниках (И. И. Срезневский), правда, некоторые ученые (например, А. А. Лаппо-Данилевский) придерживались взгляда, близкого современному, на археологию как на науку о вещественных источниках. Из-за такой неопределенности вопрос о преподавании археологии в университетах неоднократно обсуждался на Археологических съездах.

Наибольшей известностью пользуется программа для преподавания Русской археологии, представленная А. С. Уваровым на III-ем съезде. Не вдаваясь в ее сильные и слабые стороны, сле-

дует отметить, что А. С. Уваров объединил под «археологией» целый комплекс вспомогательных исторических дисциплин (палеографию, дипломатику, нумизматику, сфрагистику и др.).

Вновь вопрос о преподавании археологии был поднят на XI Археологическом съезде. Председатель Московского археологического общества П. С. Уварова сделала доклад на эту тему, предложив создание особой кафедры археологии, и в качестве программы для нее, повторив программу А. С. Уварова 1874 г. (Здесь интересно заметить, что в значительной степени программа преподавания, предложенная Уваровым, была осуществлена в открытом в 1878 г. Петербургском Археологическом институте, который, как известно, значительной роли ни в развитии отечественной археологии, ни в подготовке кадров для нее не смог сыграть). Съезд поддержал предложение П. С. Уваровой и, выполняя его решение, она в октябре 1899 г. направила Министру Народного Просвещения ходатайство об открытии кафедр археологии в русских университетах. Предложения П. С. Уваровой были направлены на рассмотрение комиссии Петербургского университета в составе профессоров: С. Ф. Платонова, Ф. Ф. Соколова, В. И. Сергеевича, А. Н. Веселовского, А. С. Лаппо-Данилевского. Соколов и Сергеевич представили краткие ответы, что, по их мнению, создание такой кафедры было бы желательным, но возражали против обязательности перечисленных предметов, указывая, что многие из них уже преподаются в университете, и предлагали запросить мнение других университетов.

Наиболее обстоятельный ответ дал Платонов (отзыва А. С. Лаппо-Данилевского в архивном деле нет): «Введение преподавания археологии в университетах представляется мне желательным и осуществимым, ... однако, можно еще сомневаться, надобно ли учреждение вообще в университетах особой кафедры археологии. Археологическое изучение есть в сущности методический прием, приложенный к самому разнообразному материалу... Поэтому у нас и существует так много «археологии» - от «первобытной» до «церковной». Какую из них делать предметом учреждаемой особой кафедры? По мнению Московского археологического общества, эта роль принадлежит археологии первобытной...

Но это учение не обратилось еще в определенную научную дисциплину и обособилось не более, или немногим более, чем всякая иная отрасль археологии. Преподавание первобытной археологии может с большей пользой и полным удобством вестись при кафедре истории... Там, где есть специалисты и спрос на их знания, преподавание археологии следует поощрять и поддерживать. Но создавать искусственно, правительственным распоряжением, кафедру первобытной археологии во всех университетах излишне, она будет дорого стоить и для нее не хватит удовлетворительных специалистов».

Далее Платонов высказывался за то, чтобы университеты сами определяли программу преподавания археологии, исходя из наличия имеющихся специалистов. В целом надо признать, что мнение С. Ф. Платонова было достаточно обоснованным, так как исходило из реалий того времени, и представляло собой развитие идей, высказанных на III Археологическом съезде при обсуждении программы А. С. Уварова (доклад А. Г. Бриннера). Отдавая должное организаторским способностям и энергии П. С. Уваровой, необходимо признать, что предпринятая ею попытка создания централизованным путем, «сверху» кафедр археологии в университетах была объективно обречена на провал, так как, во-первых, была несколько преждевременной, во-вторых, не учитывала характер широкого образования в русских университетах, осуществляющий узкую специализацию за счет семинарских и практических занятий, и в-третьих, предлагаемая программа преподавания к рубежу к XX века была уже устаревшей, не соответствующей уровню развития археологии.

Жизнь подтвердила правоту С. Ф. Платонова в этом вопросе. В первые десятилетия XX века, несмотря на отсутствие кафедры археологии, преподавание отдельных ее разделов развернулось в Петербургском университете достаточно широко - занятия по античной и скифо-сарматской археологии вели Б. В. Фармаковский и М. И. Ростовцев, курсы по славяно-русской археологии читал А. А. Спицын, по первобытной археологии - Ф. К. Волков. Студенты принимали непосредственное участие в археологических раскопках, разборке и описании коллекций. В 1910 г. на историко-филологическом факультете А. А. Спицыным был создан Археологический кабинет, на базе которого по присоединению к университету Археологического института в 1922 г. было открыто Археологическое отделение, где началась целенаправленная подготовка специалистов-археологов.

А. Г. МЕЛЬНИК,
зав. архитектурным отделом
Ростово-Ярославского
архитектурно-художественного
музея-заповедника

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГРИГОРЬЕВСКОГО ЗАТВОРА В РОСТОВЕ ВЕЛИКОМ

История Григорьевского затвора или, другими словами, монастыря Григория Богослова почти совершенно не изучена. Обычно сведения по данной теме черпаются из жития Стефана Пермского, но относятся эти сведения лишь ко второй половине XIV в.

А. А. Титов указал еще на один документ, касающийся Григорьевского монастыря - грамоту царя Ивана Грозного, данную Ростовскому архиепископу Никандру в 1554-55 гг. Но автор подчеркнул, что время упразднения монастыря неизвестно.

Распространено мнение, что в 1214 г. князь Константин Всеволодович перевел из Ярославля в Ростов духовное училище. А. А. Титов назвал его «предтечей» той братской духовной академии, которая впоследствии находилась в Григорьевском монастыре. Однако строго документальное подтверждение этих мнений отсутствует.

После проведения в 1955 г. археологических исследований на месте существования затвора Н. Н. Воронин высказал предположение о ликвидации его в конце XV в. Основанием для такого утверждения послужил единственный факт, заключающийся в том, что в пределах раскопа, захватившего меньшую часть территории затвора, монастырское кладбище было заброшено в начале XVI в.

Остатки палаты, обнаруженные в процессе археологических работ у Григорьевской церкви, Н. Н. Воронин отнес к комплексу архиерейского двора конца XVI в.

Сопоставление данных археологии и письменных источников позволяет пересмотреть утвердившееся представление о хронологических рамках существования Григорьевского монастыря.

Итак, как говорилось выше, пока мы не можем с определенностью судить ни о времени основания затвора, ни о его существовании до второй половины XIV в. Что же говорят источники о последующей судьбе монастыря?

Из грамоты Ивана Грозного следует, что монастырь Григория Богослова не только не был ликвидирован в конце XV в., но продолжал действовать и в середине XVI в. В это время он хотя и имел вотчины в Ростовском уезде, но непосредственно принадлежал Ростовскому архиерейскому дому, то есть был «домовым» или «приписным». Однако грамота не дает права утверждать, что он стал таковым в 1554-55 г. Возможно, монастырь был домовым изначально. Во всяком случае, грамота Грозного в основном лишь подтверждает права ростовских архиереев на их, как в ней сказано, «исконивечные владения». Тот же документ довольно точно указывает место расположения монастыря, который находился «на посаде», следовательно, вне центрального укрепленного ядра города, «в саду за архиерейским двором».

Пережил монастырь и особо тяжелую для Ростова эпоху польско-литовской интервенции начала XVII в., о чем говорит подтверждение в 1622 г. владельческих прав на него ростовских митрополитов. О том же свидетельствуют писцовые книги 1629-1631 гг.

Ценное свидетельство по данной теме содержит синодик Ростовского Успенского собора, составленный при митрополите Ионе (1652-1690). Для поминовения в синодик внесен род игумена Григорьевского монастыря.

По свидетельству краеведов А. А. Титова и И. А. Шлякова, множество фрагментов надгробных плит XVI-XVII в. в. было найдено во время раскопок на территории монастыря у основания круглой садовой башни в конце XIX в. Это буквально в нескольких метрах от раскопа, заложенного в 1955 г. Н. Н. Ворониным. Следовательно, монастырское кладбище не было заброшено в начале XVI в., как предполагал последний, а лишь сместилось несколько юго-восточнее от старого места.

Писцовые книги Ростовского Богоявленского монастыря 1685-1686 гг. вновь указывают на владения «домового митрополичья Григорьевского монастыря Богослова».

Весьма конкретно описан монастырь в описи Ростовского архиерейского дома, составленной в 1691 г. В ней сказано: «У митрополичьего двора в саду монастырь, в нем церковь каменная Григория Богослова... Ворота святые каменные... На монастыре три кельи каменные пономарские».

Однако, по данным за тот же 1691 г. приходо-расходной книги Ростовского архиерейского дома Богословский монастырь уже не обладал традиционной для монастыря организационной структурой. В то время в монастыре числились только поп, диакон, пономарь. Очевидно, именно в правление митрополита Ионы (1652-1690) Григорьевский монастырь, хотя номинально и продолжал существовать, но окончательно потерял свое былое значение и штат. Видимо, сохраняемый в таком виде монастырь имел для митрополита Ионы скорее чисто мемориальное, символическое значение. Характерно, что облик церкви Григория Богослова, построенной в 70-80-х гг. XVII в. в Григорьевском монастыре по заказу митрополита Ионы, имеет вид традиционной для монастырей церкви с трапезной.

Григорьевский монастырь еще упоминается в приходо-расходных книгах Ростовского архиерейского дома 1696-1697, 1697-1698, 1702 гг. Окончательное же его упразднение произошло в первые десятилетия XVIII в.

Таким образом, на территории, примыкающей с юго-запада к архиерейскому двору, вплоть до начала XVIII в. существовал не просто митрополичий сад, как считалось до сих пор, а своеобразный монастырь Григория Богослова. Его келейным корпусом и была обнаруженная Н. Н. Ворониным палата.

Н. М. КУРГАНОВА,

ст. н. с. Владимиро-Суздальского
историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника.

НОВЫЕ НАХОДКИ НАДГРОБНЫХ ПЛИТ ИЗ УСЫПАЛЬНИЦЫ КНЯЗЕЙ ПОЖАРСКИХ И ХОВАНСКИХ В СПАСО-ЕВФИМЬЕВОМ МОНАСТЫРЕ СУЗДАЛЯ

В ноябре 1988 и в январе 1989 гг. при реставрации западной стены Спасо-Евфимьева монастыря были найдены шесть надгробных плит из усыпальницы князей Пожарских и Хованских.

Впервые сведения об усыпальнице мы находим в «Новом летописце».

Дальнейшие упоминания о захоронениях Пожарских (а с начала XVII в. и Хованских) в Суздале известны из Описной книги Спасо-Евфимьева монастыря 1660 года.

В конце XVIII - начале XIX в. в круг научных интересов известного историка и архивиста А. Ф. Малиновского попадает личность полководца XVII в. Д. М. Пожарского.

В 1800 г. А. Ф. Малиновский обращается к владимирскому губернатору И. М. Долгорукому с просьбой, чтобы он отдал распоряжение в Спасо-Евфимьев монастырь о присылке для него выписки из синодика и описи 1660 года, «относящиеся до фамилии князей Пожарских».

В 1851 г. в монастыре начал раскопки А. С. Уваров. Перед ним стояла задача установления подлинности захоронений Пожарских в Спасо-Евфимьевом монастыре.

Две надписи определяли наверно чей прах был погребен в этой усыпальнице. На одной каменной гробнице написано: «Лета 7117 (1609) преставися рабь Божий Князь Никита Ондреевич Хованский во иноцехъ инокъ схимникъ Нифонтъ на память святого апостола Карпа». На другой: «Лета 7147 (1633) декабря 27 день преставился рабь Божий благоверный князь Федоръ Дмитриевичъ Пожарский».

Во второй половине XIX в. было найдено еще три плиты из родовой усыпальницы Пожарских и Хованских.

Священник Рязанской епархии Н. Любомудров опубликовал во «Владимирских епархиальных ведомостях» заметку следующего содержания: «В 1867 году настоятель Спасо-Евфимьева монастыря Досифей при очистке мусора от производившихся церковных поделок отрыл попавший среди обломков хлама надгробный камень со следующей, сделанной вязью, надписью: «Льта 7176 (1668) февраля в 15 день на память святого апостола Онисима преставися рабъ божий окольниковъ князь Иванъ Дмитриевичъ Пожарский». Плита, найденная в 1867 г., единственная из плит XIX в./дошедшая до наших дней. Судьба других плит в настоящее время неизвестна.

В 1871 г. из западной стены Спасо-Евфимьева монастыря были извлечены еще две надгробные плиты, которые использовались как водосточные желоба и фундаменты. Они оказались надгробьями двух родных братьев Хованских - Никиты и Ивана Андреевичей.

В XIX в. западная стена Спасо-Евфимьева монастыря раскрыла не все свои тайны, об этом свидетельствуют находки еще 6 надгробных плит Пожарских и Хованских. Таким образом стало очевидным, что значительная часть плит разрушенной усыпальницы попала именно туда. Плиты были использованы как строительный материал.

Надписи на найденных плитах свидетельствуют о том, что в Спасо-Евфимьевом монастыре были погребены:

1. Михаил Федорович Пожарский. Умер в 1587 г. Отец полководца.
2. Ефросиния (Мария) Федоровна Пожарская. Умерла в 1632 г. Мать полководца.
3. Петр Никитич Хованский и Никита Дмитриевич Пожарский. Умерли младенцами в 1608 г. Двоюродные братья.
4. Федор Дмитриевич Пожарский. Умер в 1663 г. Старший сын Дмитрия Михайловича.
5. Анна Хованская. Умерла в 1633 г. Жена Ивана Никитича Хованского.
6. Василий Петрович Пожарский. Умер младенцем в 1620 г. Внук (?) Д. М. Пожарского.

Надгробные плиты из усыпальницы князей Пожарских и Хованских, известны по описаниям, сделанным во 2-й половине XIX в. и найденные в настоящее время, имеют много общих черт.

Это белокаменные плиты, вертикально поставленные в изножий надземного саркофага, строгие и лаконичные по форме, лишённые декора, где исключение составляют два надгробия - матери полководца (1632 г.) и, вероятно, внука (1620 г.). Последние сохраняют следы окраски и украшены резным орнаментом. Надписи традиционны по содержанию, семистрочные, выполнены вязью в обронной технике. Работы по изготовлению, плит велись, скорее всего, суздальскими мастерами.

Как могли выглядеть в «полете» XVII в. захоронения Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимьевом монастыре, дает представление хорошо сохранившаяся гробница Ивана Ивановича Шуйского в северо-западной части собора Суздальского Рождества Богородицы. Надгробная плита И. И. Шуйского (умер в 1638 г.) вставлена в восточной вертикальной стене гробницы. Так же, как и вновь найденные плиты, соборная плита прямоугольная с треугольным завершением. Размер: 69х58 см. Надпись семистрочная обронная, вязью, в настоящее время выделена черной краской.

Касаясь вопроса о первоначальном виде усыпальницы, в котором примем во внимание наличие аналогий и характер плит, мы найдем много общего с захоронениями в соборах Московского Кремля. На возможность такого сравнения обращали внимание краеведы еще в середине XIX в.

Находки надгробных плит 1988-90 гг. являются ценным материалом, который подтверждает сведения летописи, монастырских описей и документов, дает более полное представление о всем комплексе исторических источников, связанных с полководцем, патриотом, уроженцем суздальской земли - Д. М. Пожарским.

Г. Л. НОВИКОВА,
аспирантка кафедры археологии
исторического факультета
Московского государственного университета.

СКАНДИНАВСКИЕ АМУЛЕТЫ ИЗ ВЛАДИМИРСКИХ КУРГАНОВ

Изучение и систематизация находок североевропейских языческих амулетов на территории Восточной Европы имеет большое значение для исследователей русских древностей. Определение хронологии, распространения, назначения и употребления на родине и за ее пределами отдельных гипотез и категорий данных вещей является одним из исходных моментов в решении ряда проблем русско-скандинавских связей IX-XI вв., в датировке и интерпретации как отдельных археологических комплексов, так и включающих их могильников и поселений. Будучи предметами культа, амулеты сохраняли свое значение только для носителей этого культа и не могли выступать в качестве постоянных составных частей торговых сделок между представителями различных религиозных верований, т. е. места их находок показывают пребывание на данной территории их владельцев.

Из так называемых Владимирских Курганов (курганов могильников бывшей Владимирской губ., раскопанных в 1851-1854 гг. А. С. Уваровым и П. С. Савельевым) происходит около пятой части всех известных в настоящее время скандинавских языческих амулетов, найденных на территории древней Руси. Примечательно, что здесь представлены почти все категории этих предметов, выделяемые европейскими исследователями. Однако, из-за депаспортизованности коллекций, хранящихся в Государственном историческом музее, этот материал, важный для решения этнических, социальных и культовых вопросов, остается без должного внимания.

Наиболее изученной категорией из рассматриваемых нами североевропейских древностей являются железные гривны с «молоточками Тора», что объясняется массовым характером их находок как в Скандинавии, так и за ее пределами, а также тесной связью этих предметов с погребальным обрядом. Железные тордированные шейные обручи из четырехгранного дрота выделяются различными привесками в форме молоточков, колечек, спиралей, но встречаются и без них. Последний факт, а также фрагментированность материала и неразработанность терминологии в отечественной историографии нередко приводят к включению в категорию скандинавских амулетов обычных в Европейской части СССР толстопроволочных железных гривен, отличных от североевропейских по ряду признаков (М. В. Фехнер, И. Янссон), Владимирские курганы дают 5 находок железных гривен без привесок и один обломок гривны с дополнительной скобой, на которой подвешен ромбический «молоточек Тора» (рисунок опубликован А. А. Спицыным). Аналогии последнему известны из Гнездовских курганов, в Швеции и на Аландских островах. Владимирские шейные обручи происходят как из захоронений по обряду трупосожжения (Веськово, Шокшово), так и из трупоположений (Шугарь, Кривец, пустошь «Плавь»),

Следующей группой скандинавских языческих амулетов эпохи викингов являются кресаловидные привески - небольшие металлические плоские прорезные украшения округлой или овальной формы с подтреугольным выступом в центре нижней части. Внешне они копируют форму широко распространенных во всей Европе калачевидных кресел и являются символом священного жертвенного и очищающего огня (М. Стенбергер). Привеска, происходящая из Суздальского уезда (Васильки?), отличается от восточноевропейского и скандинавского материала многообразием орнаментальных приемов: серебряное поле украшения почти полностью покрыто пуансонным рисунком из кружков, треугольников и штрихов, ближайšie аналогии встречены в Гнездовском кургане, в кладе у д. Скадино, на Сарском городище, на о. Готланд и на территории материковой Швеции.

Количественно выделяется группа щитообразных привесок из Владимирских курганов (Осипова пустынь, Васильки, Б. Брембола, Давыдково, Щурскало и др.), составляющая 50 проц. всех восточноевропейских находок. Интерпретация этих женских украшений, представляющих собой серебряные или бронзовые круглые тонкие пластины с полусферической выпуклостью в центре, украшенные простым пуансонным орнаментом из точек, кружков или треугольников, образующих

рисунок «сегнерова колеса» или концентрические окружности, является наиболее спорной. Для владимирских экземпляров (как штампованных, так и зерненных) отмечено сходство с остальным восточноевропейским и скандинавским материалом по основным признакам при наличии некоторых отличий, возможно, связанных с их местным изготовлением.

Миниатюрные наборы амулетов, копирующих предметы вооружения и быта, а также изображающих волшебные образы и атрибуты, встречаются не так уж часто. Каждая связка по своему уникальна, так как состав, компоновка, форма, размер, техника изготовления и количество привесок сильно варьируют. В кургане № 2408 у с. Городище найдено железное проволочное кольцо с завязанными концами с помещенными на него четырьмя привесками - «молоточками Тора». Ближайшие аналогии происходят из культурного слоя Гнездовского селища и Новгорода.

В кургане у с. Васильки обнаружена круглая серебряная подвеска с рельефным рисунком, изображающим человека в окружении двух птиц. Это редкая находка: с территории Восточной Европы известно еще три экземпляра (Гнездово, Седнев, Белгородская Николаевская пустынь), столько же подвесок представлено и в Северной Европе (Бирка, Седерманланд, Пренцлау) Мнения исследователей различны: одни видят здесь восточные мотивы (Т. Арне, И. Янссон), другие А. Македонского с грифонами (П. Лундстрем, Б. А. Рыбаков, Л. А. Голубева), третьи - Одина со своими вещами воронами Хугином и Мунином (Г. Ф. Корзухина).

Таким образом, коллекции из раскопок Владимирских курганов содержат интересный и разнообразный материал для изучения скандинавских языческих культов на территории древней Руси и вопроса о характере пребывания здесь их носителей. К сожалению, нарушенность комплексов оставляет многие проблемы открытыми. На основании изучения отдельных категорий можно говорить о принадлежности большинства находок (за исключением гривен) женским погребальным инвентарям. Общая датировка по аналогиям (X-XI вв.) не противоречит времени функционирования владимирских могильников, содержащих скандинавские древности. Этническая окраска т. н. щитообразных привесок неоднозначна, находки железных гривен «скандинавского типа», набора амулетов и кресаловидной привески с большей степенью вероятности можно связать со скандинавскими захоронениями.

В. Я. ЧЕРНЫШЕВ,

н. с. Муромского историко-художественного музея.

ПРОБЛЕМЫ ПОДБОЛОТСКОГО МОГИЛЬНИКА В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК

В Муромском Историко-художественном музее хранятся интересные документы, поступившие из архива Полицейского управления г. Мурома, представляющие собой переписку городского полицейского пристава с муромским уездным исправником, а также письменное послание председателя Владимирской Ученой архивной комиссии в связи неожиданными археологическими находками в д. Подболотня. Среди документов имеется и телеграмма П. С. Уваровой. Эти документы позволяют с точностью до дня восстановить историю открытия одного из богатейших археологических памятников, принадлежащих угрофинскому племени Мурома, так быстро сошедшему с исторической арены. Большую роль в сохранении уникального грунтового могильника сыграла П. С. Уварова - председателе Императорского Московского археологического общества. Об этом свидетельствует посланная ею вышеупомянутая телеграмма следующего содержания; «Единодушно все жалуются на расхищение могильника. Примите же меры, задержите вещи у скупщиков, иначе буду жаловаться. Просила и повторяю - поставьте сторожей».

Вмешательство столь известного на историческом поприще лица заставило городские власти принять незамедлительные меры. В день получения телеграммы уездный исправник отдает приставу 1-го стана муромского уезда приказ: «С препровождением телеграммы предписываю Приставу немедленно обязать подпискою заведывающего работами по проведению шоссе близ д,

Подболотной, чтобы находимые при раскопках старинные вещи не расхищались, а складывались в отдельное место и тщательно сохранялись, в противном случае, давший подписку заведывающий будет привлечен к ответственности за утрату...»

21 мая 1910 г. в Муром прибыл хранитель Исторического музея в Москве В. А. Городцов, который по просьбе П. С. Уваровой начинает археологические работы.

В цели этого сообщения не входит задача рассмотрения материальной культуры обитателей нашего древнего края, но хотелось бы обратить внимание на некоторые проблемы могильника, возникшие после неожиданных находок сделанных в д. Подболотне осенью 1989 г.

Во время прокладки труб совершенно случайно было вскрыто захоронение, лежащее на глубине 70-30 см. Многочисленные бронзовые украшения и 2 грубо слепленных горшка были принесены в Муромский музей. Место было осмотрено мною совместно со специалистом-археологом Л. А. Михайловой (Владими́ро-Суздальский музей-заповедник), но траншею, где были сделаны находки, мы нашли засыпанной. Дальнейший осмотр местности ничего не дал.

В опубликованном в 1914 г. отчете Городцова о проведенных работах в Подболотне имеется схематический план, позволяющий представить территорию, занятую раскопками 1910 г. Однако при фиксации нового археологического клада оказалось, что найденные вещи находились на значительном расстоянии от места, отмеченного как Подболотский могильник. В связи с этим встает вопрос: является ли найденный клад принадлежностью нового, доселе неизвестного грунтового могильника, или мы имеем дело с огромным полем захоронений, из которого раскопана лишь незначительная часть. (Т. к. если принимать во внимание это предположение, то территория могильника, по самым скромным подсчетам, должна увеличиться в 1,5-2 раза).

Говоря о проблемах Подболотского могильника, необходимо выделить и такой вопрос, как необследованность Подболотского селища, находящегося на правом берегу р. Илемны к югу от д. Подболотня. В 1948 г. селище было осмотрено местным краеведом И. П. Богатовым. Но весь осмотр сводился к сбору подъемного материала, представленного исключительно лепной, керамикой. Из всех поселений сельского типа того периода времени, в нашем крае изучено основательно лишь одно Тумовское селище (в 1949 г. там работала Е. Горкшова), Подболотское же еще ждет своего исследователя. Только археологически раскопки позволят проследить процесс изготовления уникальных украшений, выявить сырьевую базу и решить такой важный вопрос, как взаимоотношения коренных обитателей нашего края с постепенно проникающими сюда в X-XI веках славянами.

В заключение еще несколько слов надо сказать о возможности дальнейшего изучения Подболотского могильника. Вся территория его сейчас распахана, однако, учитывая глубину залегания погребений (в подавляющем большинстве случаев она составляет 80 см), можно настаивать на том, что захоронения остались непо потревоженными. Следует также произвести разведочные работы в том месте, где был обнаружен осенью 1989 г. археологический клад. Взяв во внимание аварийное состояние памятника, необходимо незамедлительное проведение археологических работ, в противном случае мы лишимся ценного, в научном отношении, памятника, который поможет решить вопросы, связанные с угро-финским этносом мурома.

П. Г. АГРАФОНОВ,

мл. н. с. отдела истории досоветского периода
Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗУЧЕНИЙ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Деятельность Алексея Сергеевича и Прасковьи Сергеевны Уваровых всегда была тесно связана с Ярославским краем. Широко известны раскопки курганов А. С. Уварова во владимирской губернии, в том числе под г. Переслвем-Залесским. Этот район сейчас входит в состав Ярославской области. Прасковья Сергеевна была председателем VII археологического съезда, проходив-

шего в 1687 г. в Ярославле. Это был первый съезд, проходивший после смерти Алексея Сергеевича Уварова, и о нем, его деятельности много говорилось на открытии съезда. Наконец, Алексей Сергеевич и Прасковья Сергеевна поддерживали тесные контакты с ярославскими краеведами-археологами.

Одним из таких ярославских историков края и археологов был Яков Афанасьевич Ушаков. Его судьба чрезвычайно интересна.

В конце 50-х годов он закончил кадетский корпус, а спустя три года в звании поручика стрелкового батальона он был приговорен к 4 годам каторжных работ в Сибири за «распространение вредных идей между фабричными рабочими посредством чтения и передачи им сочинений возмутительного содержания с целью возбудить против правительства» (ГАЯО, ф. 73, оп. 4, д. 2963, л. 89).

Благодаря хлопотам матери, в октябре 1869 г. Ушаков вернулся в свое имение в Даниловском уезде и за ним был установлен полицейский надзор. Шесть лет он почти безвыездно жил в имении, занимаясь семьей и хозяйством. Со временем Ушаков был освобожден от полицейского надзора и получил разрешение вступить на государственную службу.

Началось его продвижение по служебной лестнице. Вначале Ушаков был определен секретарем Ярославского губернского статкомитета и имел скромный чин коллежского асессора. Постепенно он занимал все более высокие должности. Он был неперменным членом Ярославского Губернского Присутствия, депутатом дворянства от Мышкинского уезда, позже был перемещен на должность земского начальника Даниловского уезда. В конце жизни Ушаков служил исключительно по выборам. Вначале он был гласным Даниловского (а с 1905 г. - еще и Мышкинского) уездного земского собрания. Позже он был избран предводителем дворянства Даниловского уезда. Незадолго до смерти он избран почетным мировым судьей, а также членом Государственного Совета России.

За годы службы Ушаков был награжден серебряной медалью в память императора Александра III, а позже орденом Св. Владимира IV степени (ГАЯО, ф. 79, оп. 7, д. 2487, л. 3).

Умер он в 1912 г. в генеральском чине действительного статского советника. Очевидно, в процессе этого продвижения по служебной лестнице юношеский радикализм сменился консервативными, а к концу жизни и откровенно правыми взглядами,

Яков Афанасьевич Ушаков был одним из первых ярославских краеведов, который начал проводить археологическое изучение края с подлинно научных позиций. Свои первые раскопки Яков Афанасьевич провел по заданию Ярославского Губернского Статистического Комитета в 1878 г. для готовящейся в Москве Антропологической выставки. Им было исследовано два курганных могильника у деревень Жуково и Кирьяново недалеко от г. Мышкина. Материалы раскопок демонстрировались на Антропологической выставке в 1879 г. в Москве, а позднее переданы в Российский Исторический музей. Отчет о раскопках был издан отдельной брошюрой.

В 1887 г. по предложению Предварительного комитета VII археологического съезда именно Ушакову было поручено провести новые раскопки курганов в Мышкинском уезде у деревень Кривец и Юрьево. Раскопки были проведены с той же тщательностью, что и предыдущие. Отчет об этих раскопках отличался подробностью и полнотой. Материалы раскопок, после демонстрации на выставке, подготовленной к VII съезду, также были переданы в Исторический музей.

Ушаков активно участвовал в работе VII археологического съезда, выступал на заседаниях различных отделений съезда, а позже был среди учредителей создававшегося в Ярославле Общества любителей археологии и этнографии. Созданию этого общества не суждено было осуществиться. Однако в это время в губернии формируется Ученая Архивная комиссия, в функции которой входило и археологическое изучение края. Ушаков был членом комиссии с момента основания. Пока мало известно о деятельности Ушакова в ЯГУАК, Он был активным сторонником создания в Ярославле памятника Ярославу Мудрому. Известна его полемика с другим ярославским краеведом И. А. Тихомировым на страницах местной газеты «Голос» по поводу даты основания города.

Надо отметить, что жизнь Ушакова, его деятельность еще слабо изучена. Работа в этом направлении лишь начинается.